

Н. А ПОЛТОРАЦКИЙ КАК СВИДЕТЕЛЬ ВЕРЫ

Николай Алексеевич Полторацкий (1909 – 1991) – видный представитель русской церковной эмиграции, переводчик уникальных богословских текстов, современник и соратник Н.А. Бердяева, о. Георгия Флоровского, Л.А. Успенского, о. Евграфа Ковалевского и многих других представителей русского зарубежья родился в 1909 году. Он принадлежал к курской ветви дворянского рода Полторацких. В своих воспоминаниях отмечал: «Я курский помещик, русский, по происхождению немного француз. Моя родословная, как и у всех других дворян Полторацких, восходит к Марку Фёдоровичу, сыну протоиерея Фёдора Филипповича Полторацкого, который был вызван графом Разумовским из Черниговской губернии в Петербург и после получения музыкального образования стал директором придворной певческой капеллы, ныне капеллы имени Глинки, в которой в эти годы находился Сартри [10, с.17]». Существует также семейное предание, согласно которому род Полторацких восходит к некоему гетману Малороссии Карпу Полтора Кожуха. Специалистам судить о реальности этого лица. Но абсолютно достоверно известно, что представители фамилии Полторацких в разное время своей истории породнились с Бакуниными, Гурко, Вольфами, Бобрищевыми-Пушкиными, Набоковыми, Муравьёвыми, Пушиными (последние два рода дали России декабристов, и, может быть, поэтому Н. А. Полторацкий с такой любовью переводил письма, написанные декабристами на французском языке).

В 1925 году, когда Н. А. Полторацкому было 16 лет, его матери и бабушке представилась возможность выехать во Францию для получения части небольшого наследства, доставшегося Полторацкому от бабушки-француженки со стороны отца (вспомним, что Николай Алексеевич говорил о том, что он «по происхождению немного француз»). Этой возможностью они воспользовались. Ведь незадолго до этого, во время гражданской войны пропал без вести дядя Н. А. Полторацкого, кажется, служивший в Белой гвардии. Как отмечает сам Н. А. Полторацкий в своих воспоминаниях, вскоре после приезда во Францию он «постепенно погрузился в жизнь русской эмиграции». И стал, по нашему разумению, играть довольно заметную роль в этой жизни, хотя и не освещённую достаточным образом. Именно поэтому существует, на наш взгляд, необходимость в подобных публикациях.

Причин, по которым деятельность Н. А. Полторацкого как в эмиграции, так и после его возвращения на родину, оказалась недостаточно изученной, а сам Н. А. Полторацкий в известной степени оказался «фигурой умолчания», явилось, на наш взгляд, несколько. Во-первых, это абсолютная скромность самого Николая Алексеевича. Н. А. Полторацкий, будучи в разные годы:

- начальником (председателем) Братства Святителя Фотия, сыгравшего значительную роль в жизни русской церковной эмиграции;
- техническим секретарём Религиозно-философской академии, которую возглавлял Н. А. Бердяев;
- секретарём Русского союза студентов, активным членом Русского Студенческого Христианского Движения;
- членом Комитета социальной помощи «Русская помощь»;
- преподавателем Русской школы при Союзе советских патриотов; наконец,
- участником Сопротивления.

Обо всех этих и иных сферах своей жизни в эмиграции говорит весьма и весьма скромно, явно умалчивая о своей истинной роли. Перечисляя всех тех, с кем он познакомился, сблизился, подружился в эмиграции, Н. А. Полторацкий всегда говорил: «Я не ставлю себя в один ряд с ними по калибру». Но при этом у Николая Алексеевича

никогда не было того пиетета к этим знаменитым людям, какой был и есть, скажем, у нас. Они были для него живыми, близкими, во многом же равными, «одного калибра».

Во-вторых, Н. А. Полторацкий находился всё-таки как бы в тени таких прихожан Трёхсвятительского подворья или членов Братства Святителя Фотия, как Н. А. Бердяев, В. Н. Лосский, о. Евграф Ковалевский, Л. А. Успенский, Григорий Круг (будущий инок Григорий). Л. А. Успенский был известным искусствоведам и специалистом в области богословия иконы, а Григорий Круг – выдающимся иконописцем. Наконец, о. Евграф Ковалевский приобрёл известность тем, что предпринял попытку создать Французскую Православно-католическую церковь и впоследствии стал её епископом под именем Жан.

Третью причину указывает в своих воспоминаниях сам Н. А. Полторацкий: «Когда на открытом собрании я был единогласно избран ответственным секретарём Особого Благочинного Совета Московской Патриархии, то после этого, естественно, со стороны правых кругов отношение ко мне было скорее отрицательное, критическое.

Наконец, для того разговора о Н. А. Полторацком, который предпринят в данной статье, чрезвычайно важна такая особенность его церковной деятельности, как активный экуменизм*, который не всегда и не всеми в православной церковной среде приветствовался и приветствуется. Причины экуменизма Н. А. Полторацкого различны. Это, в первую очередь, некоторые обстоятельства его жизни в эмиграции, которые привели Н. А. Полторацкого к сближению с французами-католиками. Во Франции Н. А. Полторацкий закончил начатое в России среднее образование в Парижской Русской эмигрантской школе. Затем ему, можно сказать, крупно повезло: получил он и высшее образование, закончив Высшую школу экономических и коммерческих наук. Это достаточно престижное учебное заведение, в которое мог поступить далеко не всякий француз, не говоря уже о представителе отнюдь не роскошествовавшей русской эмиграции. Правда, после окончания этого учебного заведения Н. А. Полторацкий, как и многие русские эмигранты, перебивался сезонными и случайными заработками (достаточно вспомнить о том, что Лев Платонович Карсавин – удивительнейший религиозный философ и учёный-медиевист с европейским именем – вынужден был сниматься в эпизодах для фильмов среднего пошиба. Но в 1934 году Н. А. Полторацкому снова повезло: он поступил на службу в парижское издательство школьной литературы «Атье», а вскоре, одновременно со службой, стал совершенствовать своё высшее образование ещё и на переводческом отделении Института сравнительного права Парижского университета, которое закончил в 1945 году. Этот второй свой диплом во многом определил дальнейшую жизнь Н. А. Полторацкого: многие годы он работал именно как переводчик. И всегда с благодарностью вспоминал тех людей (в большинстве своём французов-католиков), которые помогли ему устроиться на достойную службу и получить во Франции столь богатые, глубокие и обширные знания.

Для большей части русской церковной эмиграции, за исключением крайне правых кругов, была характерна толерантность в отношениях как друг с другом. Так и с неправославными христианами. Но контакты эти установились далеко не сразу. Ведь было из-за чего и спорить, и ссориться! Здесь, прежде всего, следует вспомнить о том, что в эмиграции активно продолжались богословско-философские споры, начатые ещё до революции в России. Споры эти связаны с тем, что для русской религиозно-философской

Экуменизм, экуменическое движение – движение за объединение всех христианских церквей в начале XX века (от слова «экумена» – часть планеты, пригодная для заселения). традиции «серебряного века» во многом характерны «диссидентские» богословско-философские взгляды, в частности, философия всеединства, которую в эмиграции

продолжали развивать о. Сергей Булгаков и Л. П. Карсавин; софиология, которая связывалась прежде всего с именами тех же о. Сергия Булгакова и Л. П. Карсавина, а также с именем Н. А. Бердяева; имяславие, представленное в эмиграции опять-таки о. Сергием и Н. А. Бердяевым; наконец, тема «третьего Завета», проявляющаяся в творчестве Н. А. Бердяева. Можно назвать лишь несколько заметных деятелей русской религиозной эмиграции, которые были «православными ортодоксами». Это, в первую очередь, В. Н. Лосский, сын известного философа Н. О. Лосского, а также о. Георгий Флоровский. Не случайно именно они наиболее активно включились в богословско-философскую дискуссию на страницах своих книг «Спор о Софии» и «Пути русского богословия». Флоровский в критическом запале по отношению к русской религиозно-философской мысли, содержащей немалую богословскую составляющую, хотел даже своей книге, написанной в 1937 году, дать такое название: «Тупики русского богословия». Но при этом о. Георгий Флоровский оказался в своей критике более толерантным, нежели В. Н. Лосский. По свидетельству Г. Н. Кузнецовой, как и Н. А. Полторацкий, побывавшей в парижской эмиграции и вернувшейся в Одессу, В. Н. Лосский, уже после смерти своего главного оппонента о. Сергия Булгакова в 1944 году, сожалел о той резкости, с которой была написана книга «Спор о Софии».

К богословско-философским разногласиям в русской церковной среде добавлялись и канонические, проявившиеся в принадлежности к различным церковным юрисдикциям, основными из которых были Московская Патриархия, Вселенский и Константинопольский Патриархат и Русская Зарубежная (или так называемая «карловацкая») Православная Церковь.

Поскольку Н. А. Полторацкий, как он сам отмечает в своих воспоминаниях, «постепенно погрузился в жизнь русской эмиграции» и, познакомившись, сблизился со многими известнейшими её представителями, то никак не мог остаться в стороне от богословско-философских и церковно-канонических дискуссий. По свидетельствам очевидцев, хорошо знавших Н. А. Полторацкого по эмиграции, в русском зарубежье он выполнял «медиаторную» функцию: сглаживал противоречия и примирял оппонентов. Впоследствии, после возвращения из эмиграции, с одинаковой доброжелательностью отзывался обо всех участниках тогдашних споров и дискуссий. Очевидно, именно такие качества Н. А. Полторацкого, как толерантность, способность и склонность к достижению разумного компромисса и консенсуса, и послужили основными мотивами его избрания на многие вышеперечисленные должности.

Необходимо отметить, что, несмотря на все дискуссии и разногласия, представители русской церковной эмиграции деятельно сотрудничали и лично дружили друг с другом. Так, о. Георгий Флоровский и В. Н. Лосский сотрудничали со своими оппонентами в экуменическом движении, к которому, как отмечалось, близок был и Н. А. Полторацкий. Достаточно сказать о том, что о. Георгий Флоровский и В. Н. Лосский были активными участниками, а о. Сергей Булгаков – одним из руководителей англиканско-православного Содружества Св. Албания и Св. Сергия Радонежского. Кроме того, о. Георгий Флоровский преподавал патрологию в парижском Свято-Сергиевском богословском институте, где также сотрудничал о. Сергей Булгаков, преподававший Ветхий Завет и догматическое богословие. Последнее, учитывая всё вышесказанное в отношении о. Сергия Булгакова, особенно впечатляет. В. Н. Лосский и о. Евграф Ковалевский вместе сотрудничали в основанном в 1944 году по инициативе возглавляемого Н. А. Полторацким Братства святителя Фокия Парижском Французском Православном богословском институте Св. Дионисия, где о. Евграф Ковалевский был ректором, а В. Н. Лосский вёл курсы догматического богословия и церковной истории (именно под эгидой этого института был издан на французском языке труд о. Евграфа Ковалевского «Святая месса по древнему галликанскому обряду, или Литургия по Святому Герману Парижскому», впоследствии переведенный Н. А. Полторацким и вошедший в обширный корпус его переводческого наследия). Наконец, и о. Сергей Булгаков, находившийся в

епархиальном подчинении у митрополита Евлогия (Георгиевского), который. В свою очередь, с февраля 1931 года перешёл из подчинения Московской Патриархии под омофор* (в «юрисдикцию») Вселенского и Константинопольского патриарха Фотия, и Н. А. Бердяев, который, несмотря на все свои философские «вольности», всегда оставался верным Московской Патриархии, в равной степени были, по словам Н. А. Полторацкого, «духовными патронами» такой заметной в те годы организации, как Русское Студенческое Христианское Движение. Н. А. Бердяев оставался верным Московской Патриархии, невзирая даже на то, что в 1913 году из-за защиты им имяславия Святейший Синод начал процесс с целью отлучения Бердяева от церкви за богохульство. Этот процесс был прерван первой мировой войной.

Главное для понимания той атмосферы, в которой существовала русская церковная эмиграция, это то, что объединяло многих её представителей. А объединяло их эсхатологическое** ожидание Царства Божьего на земле, которое оказалось выше Всего, что могло бы разделить их. Как пишет А. А. Аржаковский, «только присущее всем этим мыслителям эсхатологическое стремление к Царствию Божьему на земле позволяет понять, почему Флоровский, Карсавин и Зеньковский, с одной стороны, и Бердяев, Федотов, Булгаков, с другой, вместе участвовали в экуменическом движении... Ибо, вопреки всем различиям во взглядах на природу церкви, все эти мыслители рассматривали встречу христианских конфессий как победу над временем и как сближение Востока с Западом» [1, с.183].

Речь, разумеется, должна идти не только о совместном участии деятелей русской церковной эмиграции в экуменической деятельности. Было достаточно много и иных направлений совместной деятельности представителей русской церковной эмиграции, принадлежавших к разным религиозно-философским течениям, церковным юрисдикциям. Это – и уже упомянутые выше Свято-Сергиевский и Свято-Дионисиевский богословские институты, и Русское Студенческое Христианское Движение, а также, например, и Журнал «Путь», и различные благотворительные организации, в частности, «Православное дело». В «Православном деле» заметную роль играла знаменитая мать Мария (Е. Ю. Скобцева, в девичестве – Кузьмина-Караваева), епархиально подчинявшаяся митрополиту Евлогию (Георгиевскому), с которой общались Н. А. Бердяев и Н. А. Полторацкий. Но именно экуменическая деятельность была для многих из представителей русской церковной эмиграции, в том числе и для Н. А. Полторацкого, весьма и весьма значимым аспектом жизни. Здесь следует отметить то, что экуменизм представителей русской церковной эмиграции вообще и религиозно-философской традиции в частности имеет свою достаточно сложную и, можно сказать, болезненную историю. Участие в экуменическом движении было буквально выстрадано русскими эмигрантами. Как справедливо отмечал Н. М. Зёрнов, «Русская церковь всегда представляла наиболее изолированную ветвь европейского христианства» [4, с.259]. Русские интеллектуалы начала XX века, отказавшись после революций и гражданской войны в эмиграции, надеялись, что западные христиане захотят извлечь урок из их опыта. Они были уверены, что борьба между воинствующими атеистами и верующими в России – это часть всемирной борьбы. И немало разочаровались, убедившись в том, что представители западных церквей в массе своей трактуют события в России как заслуженное наказание «исторической» церкви. Поэтому они не только включились в экуменические процессы, но во многом их инициировали, поскольку считали

*Омофор – принадлежность архиерейского облачения, широкая лента, возлагаемая на архиерея поверх прочих одеяний.

**Эсхатология – религиозное учение о конечных судьбах мира и человека.

экуменические контакты возможностью «свидетельства» православия и его богословских достижений представителям других конфессий. Здесь следует отдавать себе отчёт в том,

что отнюдь не все ветви русской церковной эмиграции готовы были включиться в экуменическую деятельность. Некоторые представители русского православия явно опасались утратить конфессиональную идентичность в ситуации экуменических контактов. Особенно это было и остаётся характерно для представителей «самой консервативной части православия, ставшей на путь самоизоляции и по существу превратившейся в маргинальную, эскапистскую* секту Русской Зарубежной Православной Церкви» [8, с.41].

Но дело в том, что Братство Святителя Фотия было создано в 1925 году несколькими церковно-мыслящими русскими эмигрантами из паствы митрополита Евлогия (Георгиевского), тогда ещё находившегося в подчинении Московской Патриархии, как раз с целью содействия сохранению конфессиональной идентичности русскими эмигрантами. Одним из основателей Братства был Евграф Ковалевский. А вскоре к нему примкнул и В. Н. Лосский. Братство было построено по образцу католических орденов, заседания его были закрытыми, а решения тайными. Какое-то время председателем или начальником Братства был А. Ставровский, затем – В. Н. Лосский (именно во время их руководства Братством оно инициировало процесс осуждения богословских трудов о. Сергия Булгакова), но В. Н. Лосский, будучи чрезвычайно загружен литературной и преподавательской деятельностью, от руководства Братством тоже отошёл. И председателем Братства единогласно избрали Н. А. Полторацкого, что само по себе говорит о том, что он был достаточно влиятельной фигурой в среде русской церковной эмиграции или, по крайней мере, той её части, что сохраняла верность Московской Патриархии. Это подтверждается и последующими выборами Н. А. Полторацкого на должность ответственного секретаря Особого Благочинного совета. Формально Н. А. Полторацкий оставался начальником Братства даже ещё некоторое время после своего возвращения в Советский Союз в 1948 году. Исполняющим эти обязанности во Франции был Л. А. Успенский, к которому через несколько лет они отошли окончательно. Братство святителя Фотия на всех этапах своей истории решало задачу свидетельства православия на Западе. Но при этом члены Братства охотно организовывали встречи с неправославными богословами. И пришли, в конце концов, к мысли о необходимости не просто экуменических контактов (в частности, в рамках такого совместного интеллектуального проекта русского зарубежья западноевропейской интеллигенции, как Франко-русская студия, куда для богословских дискуссий приглашались Тейяр де Шарден, Габриэль Марсель и многие другие известные представители католицизма, а также протестантизма, в которых принимал участие и Н. А. Полторацкий), но и непосредственного экуменического взаимодействия. В деятельности о. Евграфа Ковалевского (епископа Жана) последняя мысль получила наиболее радикальное воплощение. В конечном итоге, многие представители российской религиозно-философской традиции, оказавшиеся в эмиграции, убедились в том, что между российской и западноевропейской религиозно-философскими традициями не существует радикальных противоречий. Это связано с тем, что «русская культура всегда была по своему типу европейской культурой» [5, с.16], а российская философия всегда самым тесным образом была встроена в европейский интеллектуальный контекст, и отсюда «то странное то ли совпадение, то ли предвосхищение философских достижений, казалось бы, иных философских традиций [6, с.55]. В контексте данного разговора тоже самое можно сказать и о совпадении богословских достижений российской и западноевропейской духовных традиций.

Задачу свидетельства православия на Западе ставили перед собой и прихожане Трёхсвятительского подворья, основанного при активном участии Н. А. Полторацкого.

*Эскапизм – уход от действительности в вымышленный мир.

Большинство прихожан Трёхсвятительского подворья были и членами Братства Святителя Фотия. Нельзя не назвать здесь Н. А. Бердяева, который был прихожанином

Трёхсвятительского подворья, но, разумеется, не мог быть членом Братства Святителя Фотия в силу своей догматической «нечистоты» и более чем скептического отношения к церковным канонам. Н. А. Полторацкий в своих воспоминаниях о Бердяеве говорит: «Он даже мне как-то сказал, что заниматься канонами – это верный способ сломать себе голову. Но он пошёл с Московской Патриархией не из канонических соображений, а из-за того, чтобы не порвать духовную связь с Россией». Следует добавить, что Московская Патриархия явилась «мостом» духовной связи не только для Бердяева, но и для многих русских церковных эмигрантов. В том числе и для Н. А. Полторацкого.

Н. А. Бердяев пользовался огромным авторитетом в эмигрантской среде, и его решение вернуться в Россию после войны оказало влияние на многих её представителей. Одному из авторов данной статьи уже приходилось писать о том, что своё решение вернуться Н. А. Полторацкий «во многом принял под влиянием Бердяева» [7, с.299]. Конечно, влияния Бердяева, несмотря на весь его авторитет, для такого решения было бы недостаточно. Помимо эсхатологического ожидания Царствия Божьего на земле, для русской церковной, как, впрочем, и для русской эмиграции в целом, было характерно ожидание скорого возвращения на родину. Русские эмигранты, оказавшиеся на чужбине, «не имели намерения оставаться надолго: лишь бы передохнуть, повременить, дожидаться свержения советской власти» [2, с.17]. Не дождавшись свержения советской власти, русские эмигранты стали дожидаться её перерождения, изменения. И оно, как им показалось из своего далека, произошло после второй мировой войны. На волне патриотических чувств очень многие эмигранты, в том числе и представлявшие церковную эмиграцию, вернулись на родину. Но многих ждали репрессии, лагеря, ссылки. Н. А. Полторацкому, можно сказать, повезло: он оказался в «южной» ссылке – в Одессе. Хотя везение это весьма относительное. Как вспоминает другой автор настоящей статьи, Н. А. Полторацкий «проработал два года в Одесской духовной семинарии, а тут ему говорят: «Нет для вас часов». Живёт большую часть в Москве, работает переводчиком в отделе Внешних церковных сношений (считается одним из лучших переводчиков богословских трудов на то время). Чтoб не думал, что всё замечательно, жену увольняют с преподавательской работы из Политехнического института с формулировкой «потенциально идеологически не выдержанный элемент». «Живут в долг» [9, с.16]. Ведь переводы церковных текстов Н. А. Полторацкому практически никакого дохода не приносили. Равно как и его «светские» переводы (помимо уже вышеупомянутых переводов писем декабристов, выполненных Н. А. Полторацким совместно с женой Н. Ф. Полторацкой, здесь можно вспомнить изданные в «Литературном наследии» произведения Жан-Жака Руссо. Среди соавторов этого перевода был знаменитый лингвист и литературовед Юрий Михайлович Лотман (г. Тарту), друг Н. А. Полторацкого. Многие переводы вообще делались «в стол», до лучших времён. Особенно это касается произведений католических и протестантских богословов. Таких, как Кембриджские библейские толкования. Пеликанские толкования Нового Завета, работы О. Клемана, Ю. Мольтмана и других христианских мыслителей Запада. И были они известны только узкому кругу близких Н. А. Полторацкому людей. Хотя «узость» эта весьма условна. Ведь Николай Алексеевич всегда собирал вокруг себя очень многих представителей не только духовной, но и светской интеллигенции нашего города. Н. А. Полторацкий выполнял важную функцию просветительства и свидетельства различных вариантов христианского богословия. А после смерти Н. А. Полторацкого в его архиве остались десятки переведенных им книг по литургике, библеистике, догматическому богословию. Как отмечает А. Доброер, «многие из них носят уникальный характер и, будучи опубликованы, несомненно, способствовали бы развитию современной богословской мысли в русскоязычном пространстве» [3, с.7].

Если же продолжить тему «свидетельства» Н. А. Полторацкого, то следует сказать, что Н. А. Полторацкий фактически перенёс в советскую действительность принципы воскресных заседаний бердяевской Религиозно-философской академии. Встречи по воскресным дням дома или на даче у Николая Алексеевича были своего рода его

религиозно-философской академией для окружавших его людей. Его религией было реальное добро, его философией – внутренняя свобода. Были и книги, которые он привёз из Франции и которые щедро давал читать, хотя это и было в те времена небезопасно. И если вспомнить о том, что Бердяев – «философ свободы», то можно с полным основанием говорить о том, что благодаря Н. А. Полторацкому, окружавшие его люди находились в ауре духовной свободы. Н. А. Полторацкого окружали представители разных конфессий: ведь он мог не только дать им интересующую их богословскую литературу, привезенную из Франции либо уже переведенную на родине, но и свидетельствовать о жизни и деятельности многих выдающихся деятелей неправославного христианства, которых лично знал и с которыми дружил. При этом, будучи глубоко православным человеком, Н. А. Полторацкий никогда «не стеснялся» отмечать многие достоинства и католицизма, и протестантизма.

Что касается преподавательской деятельности Н. А. Полторацкого, которая также играла значительную роль в «свидетельстве» его веры, то, после неоднократного вмешательства Патриарха Алексия I, Н. А. Полторацкий её всё-таки продолжал, работая в Одесской духовной семинарии до самой своей смерти в 1991 году.

Среди учеников Н. А. Полторацкого – не одно поколение православных священнослужителей. Уже в этом смысле Н. А. Полторацкий заслуживает звания богослова, хотя он и не написал ни одного академического труда по богословию. Н. А. Полторацкий, не обладая священническим саном, воистину был и пастырем милостью Божьей, привлекавшим к себе сердца, искавшие живого свидетельства веры, столь глубокой, сколь широкой и открытой для всех людей, независимо от их конфессиональной принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аржаковский А. А. Журнал «Путь» (1925 – 1940): Поколение русских религиозных мыслителей в эмиграции. – К.: Феникс, 2000. – 656 с.
2. Гаккель Сергей, протоиерей. Мать Мария (1891 – 1945). – Париж: YMCA – PRESS, 1980. – 207 с.
3. Доброер А. Введение // Ковалевский Евграф, протоиерей. Святая месса по древнему галликанскому обряду, или Литургия по Святому Герману Парижскому (перевод с французского Полторацкого Н. А.). – Одесса, б/изд., 2004. – С. 3 – 7.
4. Зёрнов Н. М. Русское религиозное возрождение XX века. – Париж: YMCA –PRESS, 1974. – 382 с.
5. Лихачёв Д. С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт // Наше наследие. – 1991. – № VI (24). – С. 15 – 16.
6. Панков А. А. К вопросу о взаимоотношении западной и русской философий // Тезисы докладов и выступлений на Всероссийской научной конференции «Русская философия: преемственность и роль в современном мире». – Ч.2. – Спб., 1992. – С. 53 – 55.
7. Панков А. А. В ауре личности Н. А. Бердяева // Філософські пошуки . Вип.. XI – XII. – Львів – Одеса – Хмельницький: Cogito – Центр Європи, 2001. С. 296 – 299.
8. Панков А. А. К вопросу о необходимости гендерных исследований в украинском религиоведении // Аркадіа. Культурологічний та мистецтвознавчий журнал. – 2004. – №4 (6). – С. 40 – 41.
9. Полторацкая А. Н. „Ловець людей, их спутник и учитель” // Дерибасовская – Ришельевская: Одеський альманах. Книга 17. – Одеса: Друк, 2004. – С 17 – 25.